

В ветеринарной клинике Вэнь Наньшу замер, прижимая ладонь ко лбу. Кровь, густая и горячая, непрерывным потоком сочилась сквозь пальцы; она заливала глаза, пачкая ресницы, и стекала по виску к самому уху, окрашивая половину его бледного лица в багровый. Испуганные животные, потревоженные грохотом поваленного стального стеллажа, зашлись в неистовом, надрывном лае.

Сегодня было Рождество. Изначально Наньшу планировал пойти на праздничный ужин вместе с Хань Цзянянем и остальными ребятами, но один из клиентов задержался, и Вэнь вызвался подождать его в одиночку.

Когда кота наконец забрали, он уже собирался закрывать клинику, как вдруг на прилавке зазвонил телефон. У Пэй Юя был особый рингтон, и Наньшу, повинувшись многолетнему инстинкту, потянулся к трубке, ожидая услышать привычное: «Твой муж пьян, приезжай и заberi его». Но слова, прозвучавшие на том конце, оказались не просьбой, а раскаленным клинком, который с ленивой небрежностью вонзился в его беззащитное сердце.

От брошенного Пэй Юем: «Одолжить на пару дней, позабавишься?» — в голове Наньшу словно взорвался снаряд. Разум превратился в выжженную пустыню, чувства притупились. Внезапно потеряв ориентацию в пространстве, он резко развернулся и со всего маху налетел виском на острый угол стального стеллажа — того самого, который еще не успели обить защитным поролоном. От удара в черепе отозвался гулкий, вибрирующий звон.

От сильного толчка задняя крышка и аккумулятор телефона отлетели в сторону. Превозмогая острую, пульсирующую боль, Наньшу дрожащими, испачканными в крови пальцами собрал детали, вставил батарею и набрал номер Вэй Сыяня.

В приемном покое Вэй Сыянь, обливаясь потом от волнения, метался между кабинетами: выкупал лекарства, заполнял бланки и договаривался о швах. Раненый же, мертвенно-бледный, сидел неподвижно, не проронив ни слова. Ему вкололи противостолбнячную сыворотку и обработали голову. Поскольку удар пришелся на Г-образный край стойки, рассечение оказалось глубоким, хоть и коротким. Наложили два шва, приклеили стерильную салфетку и туго наложили повязку.

С того момента, как он переступил порог больницы, и до самого конца процедур Наньшу хранил молчание.

Его лицо казалось блее медицинского бинта. Врач не успел полностью смыть запекающуюся кровь с его тонкой шеи, и темные извилистые пятна на коже придавали юноше жалкий, изможденный вид.

Вэй Сянь попытался поплотнее запахнуть пальто на плечах друга, но, коснувшись дешевой шерстяной ткани, почувствовал, насколько она тонкая и бесформенная. Такое пальто не могло ни согреть, ни скрыть следы беды.

— Что произошло? — не выдержал Сянь.

Наньшу медленно открыл глаза и сделал глубокий, судорожный вдох. Казалось, он долго копил силы для решения, которое теперь окончательно опустошило его душу.

— Сянь... Я хочу, чтобы всё это закончилось.

Он мягко отклонил предложение друга переночевать у него и попросил просто отвезти его к дому семьи Пэй.

За окном автомобиля вовсю сияло Рождество. В центре площади высилась огромная ель, украшенная огнями и гигантскими подарочными коробками — яркая, сказочная, почти нереальная. Вдоль улиц Города А, прижимаясь друг к другу в морозном воздухе, брели влюбленные парочки.

Быть может, именно близость финала заставила Наньшу вспомнить их первую встречу.

Тогда ему было всего шестнадцать. Как лучший ученик среди подопечных фонда Пэй, он был выбран представителем для участия в благотворительном вечере в отеле «Интерконтиненталь».

Ему и другим детям раздали заранее написанные тексты с благодарностями и заставили репетировать песню. Они должны были со сцены воспеть щедрость корпорации Пэй, позволившей им учиться и изменить свою судьбу.

Стоя под прицелом бесчисленных камер и вспышек, Наньшу отчаянно нервничал. От блеска софитов и внимания прессы его ладони стали влажными, а лицо — серым от напряжения. Когда выступление закончилось, он ненадолго отошел и, вернувшись в зал, замер.

В свете роскошных хрустальных люстр мир преобразился.

На сцене, за ослепительно белым роялем, сидел Пэй Юй.

Ему было всего четырнадцать, но Наньшу никогда не думал, что в мире существуют люди столь ослепительной, почти пугающей красоты. Мальчик один с легкостью затмевал всё великолепие зала. Перед вспышками камер подросток держался абсолютно естественно, не выказывая ни

тени смущения, и взгляды всех присутствующих были прикованы только к нему.

Элегантный Пэй Юй сидел за бесценным инструментом, и его профиль казался изваянным из чистейшего льда. Из-под его пальцев лилась музыка — глубокая, чарующая, совершенная.

Когда мелодия стихла, юный господин, кланяясь, словно невзначай бросил взгляд в сторону зрителей. Его светло-янтарные глаза в лучах прожекторов вспыхнули расплавленным золотом. И в это мгновение шестнадцатилетний Наньшу, выросший в трущобах и пропитанный пылью бедности, побоялся даже вздохнуть. Он боялся, что само его дыхание может осквернить это совершенство.

Вэй Сяньнь остановил машину у ворот резиденции Пэй. Он сказал, что эта беда — знак свыше, шанс начать всё сначала. Он пообещал поддержать друга в случае развода и помочь с разделом имущества и юристами.

Лицо Наньшу немного порозовело. Он поблагодарил Сяньня и, заметив на переднем сиденье черную бейсболку друга, попросил разрешения взять её.

— Зачем тебе прятаться? — возмутился Вэй. — Пусть эти твари увидят, до чего они тебя довели! Не смей уходить, пока не вытрясешь из них половину состояния!

Наньшу лишь грустно улыбнулся и пообещал позвонить, если что-то случится.

Дома мужа еще не было. Вэнь зашел в спальню и достал из шкафа чемодан. На крышке скопился слой пыли — красноречивое свидетельство того, как давно он никуда не выезжал.

Он собрал лишь несколько теплых вещей. Одежды у него и так было немного, а в последнее время, после «чисток» прислуги, стало еще меньше.

Карта, которую выдал ему Пэй Юй, в начале каждого месяца переключивалась в руки Фан Лин. Когда она возвращала её, на счету оставались крохи. Пока супруг покупал галстуки по цене с пятью нулями, Наньшу носил вещи за пару сотен юаней. После пары стирок дешевая ткань шла катышками и теряла форму, и если Фан Лин замечала такое на сушилке, она с брезгливой миной велела слугам выбросить «этот хлам».

Его вещей в этом доме становилось всё меньше. Он пытался заполнить пустоту собой, сжимался, старался занимать как можно меньше места, но пространства для него всё равно не находилось.

Говорят, если долго держать в доме собаку, к ней привязываешься всем сердцем. Почему же сердце Пэй Юя оказалось соткано из вечного льда? Наньшу так долго пытался отогреть его, но

тот не удостоил его даже крохой любви. А ведь ему хватило бы и капли — всего одной капли тепла, чтобы забыть обиды и продолжать любить с прежним самозабвением.

Двенадцать лет он отдавал Пэй Юю всего себя. Но если муж готов был лично искать породистую собаку, случись той потеряться, то самого Наньшу он ценил гораздо меньше животного.

Должно быть, всё дело было в перенесенной тяжелой болезни или в том ударе по голове, но сейчас Вэнь ощущал лишь холодную пустоту в жилах. Ему вдруг показалось, что все эти годы были лишь затянувшимся сном.

Сном, в который он провалился в шестнадцать лет, едва взглянув на Пэй Юя.

В этом сне он топтал собственное достоинство, бережно и осторожно неся в руках свою любовь к мужу. Он боялся, что тот споткнется, боялся, что испачкается... Он позволял Пэй Юю унижать себя прилюдно, позволял выкрикивать чужое имя в моменты близости, позволял вырвать свое сердце и равнодушно растоптать его.

«Довольно. Довольно...»

«Если это был сон, в котором я слишком долго упивался собственной болью, то сейчас, когда эта боль начала выжигать изнутри, пришло время проснуться».

Наньшу почти закончил сборы, когда в комнату вошел Пэй Юй, вернувшийся с очередной вечеринки.

Увидев супруга, тот сразу перешел к допросу:

— Ты всё-таки соизволил вернуться? Где ты пропадал столько дней?

— Навещал друга, — Вэнь невольно ниже опустил козырек кепки, пытаясь заслонить собой чемодан.

— Какого еще друга? Не знал, что у моей жены есть друзья, к которым можно уехать на целую неделю.

У него действительно не было друзей в этом городе, Пэй Юй не терпел конкуренции за внимание супруга. Наньшу не стал ничего объяснять. Он почувствовал исходящий от мужчины запах алкоголя, смешанный с ароматом чужого парфюма.

Пэй Юй шагнул ближе и вдруг спросил:

— Ты что, подстригся?

Должно быть, когда Наньшу надевал кепку, он по привычке заправил волосы за уши. Заметив, что рука мужа тянется к его затылку — туда, где на коже еще оставались следы крови, — он инстинктивно отпрянул.

Этот жест мгновенно привел хозяина дома в ярость. Он грубо схватил Наньшу за плечо, пытаясь сорвать кепку:

— Кто позволил тебе стричься? С чего это ты вздумал носить шапку в доме? Уродство какое, быстроними!

Он никак не ожидал, что Наньшу резким движением оттолкнет его руку.

— Вэнь Наньшу, ты что, с ума сошел? — глаза Пэй Юя опасно сузились. Заметив у ног супруга чемодан, он вспыхнул с новой силой: — Собираешь вещи? И куда это ты собрался? Похоже, я слишком много позволял тебе в последнее время. Вместо того чтобы сидеть дома и ждать мужа, ты шляешься невесть где! Ты вообще помнишь, кто ты такой?

Наньшу и сам не ожидал, что найдет в себе силы дать отпор. Он замер, не поднимая головы.

— Я больше не хочу...

— Что ты там бормочешь? — Пэй Юй не расслышал.

Наньшу до боли вонзил ногти в ладони.

«Кто я такой? — горько усмехнулся он про себя. — Я просто хочу снова стать самим собой. Вэнь Наньшу».

Он поднял голову и отчетливо повторил:

— Я сказал, что больше не хочу быть госпожой Пэй.

Эти слова, произнесенные вслух, удивили его самого. То, что он считал немислимым, оказалось произнести не так уж и сложно.

Пэй Юй смотрел на него сверху вниз. Заявление о разрыве лишь слегка задело его слух — он не воспринял это всерьез. Однако он заметил, насколько бледным был муж; тень от козырька кепки скрывала половину его лица, делая подбородок болезненно острым.

Мужчина вспомнил о вечернем звонке и снова взглянул на молчаливого Наньшу.

— Ладно, хватит капризничать. Те слова в клубе — это просто пьяная болтовня Сун Яна и остальных. Пошли в душ, поможешь мне, от меня разит спиртным.

Он решил, что раз снизошел до объяснений, инцидент исчерпан. Он чертовски устал, а объятия Наньшу всегда действовали на него успокаивающе. За эти годы Пэй привык к этому комфорту — это была одна из причин, почему, как бы ярко он ни развлекался на стороне, он всегда возвращался домой. Ему хотелось поскорее лечь в постель, поэтому он решил не устраивать сцену из-за недельного отсутствия. Супруг привычно потянулся к плечу Вэня, намереваясь увлечь его в ванную.

Но сегодня Вэнь Наньшу не шелохнулся. Он не собирался, как обычно, покорно следовать за ним, даже если Пэй Юй снова доведет его до слез на краю ванны.

Наньшу посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Пэй Юй, давай разведемся.

<http://bllate.org/book/15853/1432193>